Содержание

Пролог **9**

Глава 1 Сладость или гадость **13**

Глава 2 Пленницы **31**

Глава 3 Три дара **44**

Глава 4 На закате **60**

Глава 5 Проклятие рода Уиддершинс **68**

Глава 6 Пиявочный Пруд **81**

Глава 7 Тюрьма среди топей **89**

Глава 8 Заключенный номер 513 **102**

Глава 9 Призраки **117**

Глава 10 Крысы и откровения **126**

Глава 11 История Сорши **145**

Глава 12 Дорожная сумка **156**

Глава 13 Джаррод **177**

Глава 14 Побег **188**

Глава 15 Остров мертвых **203**

Глава 16 Похищенные **220**

Глава 17 Чертовы Зубы **228**

Глава 18 Заложник **250**

Глава 19 История Сорши **269**

Глава 20 Вороний хор **291**

Глава 21 История Сорши **312**

Глава 22 Бум! **333**

Глава 23 «Друг» **359**

Глава 24 Воронья башня **372**

Глава 25 Полет **384**

Глава 26 Свободны! **392**

Эпилог **404**

Благодарности **410**

Тест: кто ты из сестер Уиддершинс? **412**

Дорогой читатель!

Разве не замечательное слово — «уиддершинс»? Я наткнулась на него, когда искала сведения о ведьмах (по работе, само собой!). В английском оно означает движение против солнца, против часовой стрелки, — и считается, что это не к добру. Поэтому я и дала героиням своей истории такую фамилию.

Сестры Уиддершинс — Бетти, Флисс и Чарли — при помощи трех волшебных предметов пытаются снять зловещее семейное проклятие. Но помогут ли эти предметы найти ответы на загадки — или навлекут на сестер новую беду?

Истории о заколдованных предметах завораживали меня, сколько я себя помню, — от «Снежной королевы», где волшебный гребень лишил Герду воспоминаний, до сказки «Ведьма», где девочка застряла в картине. Сама идея, что повседневные вещи обладают скрытой силой, делала магию чуть-чуть ближе. И уж чего-чего, а магии в этой книге хватает. А еще тут есть крыса по имени Прыг-скок, кот по имени Эй и побег из тюрьмы, который идет не по плану!

Надеюсь, что семья Уиддершинс и туманные топи Вороньего Камня захватят твое воображение так же, как мое. Главное — не следуй за блуждающими огоньками...

Волшебного тебе чтения!

Мишель Харрисон

Посвящается памяти
Элизабет Мэй Харрисон
1943–2017

Самой смелой и отважной Бетти
на этой земле

Пролог

Узница глядела в окно. В высокой каменной башне, куда ее заточили, окон было четыре.

Если не опускать глаза, можно было представить, что далеких тюремных стен не существует и она взирает на мир из какого-нибудь замка или, может быть, с вершины горы.

Но сегодня ее не тешили выдумки, не хотелось фантазировать, что это просто сон или что кто-нибудь придет ей на выручку. Девушка крепко обхватила себя руками, защищаясь от яростного ветра, который хлестал в открытые окна башни. Он нес с собой запах прибрежных морских топей — солоноватый, слегка отдающий рыбой.

Прилив отступил, обнажив илистый берег. Вдалеке чайки клевали выброшенную волной рыбу, торчали пучки высокой прибрежной травы и валялась разбитая лодка. В рот попал завиток длинных золотисто-каштановых волос, разметанных ветром. Узница отвела его в сторону, ощутив на губах привкус соли, и перегнулась через холодный исцарапанный камень — так далеко, как только осмелилась.

Окна не забрали решетками — в этом не было нужды. Высоты башни с лихвой хватало, чтобы пресечь мысли о побеге. Снаружи вечно доно-

силось карканье ворон. Поначалу узница воображала, что птицы, кружащие возле башни, — ее друзья, которые пытаются развлечь ее беседой.

Порой какая-нибудь ворона садилась на окно и немигающим взглядом смотрела на нее. Ее карканье казалось уже не таким дружелюбным — скорее обвиняющим и насмешливым. «Ведьма! — как будто кричала она, и в ее карканье слышались голоса островитян. — Явилась из топей, сгубила три невинные души!»

Она никому не хотела причинять вреда.

Царапины на камне тянулись через весь подоконник, отмечая срок ее заключения. Один день — одна царапина. Когда-то она могла сказать, сколько их, но уже давно перестала считать.

Она обошла свою круглую камеру, касаясь пальцами стен. На них было еще больше отметин: нацарапанные на камне бранные слова, щербины в тех местах, где она швырялась в стену предметами. Она откалывала кусочки камня, но это не приближало ее к свободе.

Вчера на небе показалась бледная красная луна, и все ее тюремщики пустились в пересуды. Луна посреди дня всегда считалась плохим знаком, а красная — и подавно. Красная, кровавая луна указывала на то, что где-то творятся злодеяния.

Девушка ощупывала грубый камень, пока не нашла незаметную щель. Она обнаружила ее вскоре после заточения, когда искала под-

ходящую опору для ног, еще надеясь отсюда сбежать. В этой расщелине она хранила осколок камня, пряча его от тюремщиков. Осколок был слишком маленький, чтобы служить оружием, но если бы стражники узнали о нем, то, несомненно, отняли бы.

Она вытащила камешек и сжала в ладони. Собственная рука показалась ей едва знакомой. Кожа, некогда смуглая, испачкалась и посерела, ногти были в щербинах. Держа осколок, словно кусок мела, она нацарапала на стене слово. Всего одно. Имя человека, который ее предал.

Она выводила каждую букву медленно, сосредоточенно, вкладывая в это занятие всю свою злость. Закончив, она разжала пальцы и уронила камешек. В нем теперь не было нужды. Больше она ничего не напишет.

Она посмотрела через пролив на главный остров Вороньего Камня. В полдень внизу будет ждать лодка, и ее отвезут на перекресток. Там прямо сейчас возводят виселицу. Это будет ее первое и последнее путешествие на большой остров. Последнее путешествие куда бы то ни было.

Именно там ее казнят.

Интересно, каково будет стражникам везти предполагаемую ведьму через топи? Ее, конечно, закуют в железо, которое, по общему мнению, лишает ведьм колдовской силы, но даже самому бесстрашному тюремщику будет неуютно в ее присутствии, как только они выйдут

из башни. Особенно под кровавой луной. Она перевела взгляд на топи, туда, где все началось — одной бурной ночью на утлой лодчонке. Туда, где три человека лишились жизни.

— Я никому не хотела причинить вреда, — прошептала она, вцепившись в камень онемелыми пальцами.

Тогда она и правда не хотела никому навредить. Но сейчас все ее мысли были только о мести.

И она свершит месть — даже зная, что это ее не спасет.

ГЛАВА 1 Сладость или гадость

Бетти Уиддершинс узнала о фамильном проклятии вечером своего тринадцатого дня рождения. Это число некоторые считали несчастливым, но Бетти была слишком здравомыслящей, чтобы верить в приметы. Ей нравилось думать, что она далека от суеверий и прочей подобной ерунды, — пускай даже они окружали ее с самого рождения.

Была суббота, и в деревенском трактире, где жила Бетти, по обыкновению стоял дым коромыслом. «Потайной карман», издавна принадлежавший семейству Уиддершинс, всегда был самым злачным местечком на всем Вороньем Камне. Сейчас трактиром владела ее бабушка, тоже Бетти, — правда, все звали ее Банни, чтобы избежать путаницы. Вместе с ними в трактире жили сестры Бетти — старшая, Фелисити (более известная как

Флисс), и младшая, шестилетняя Шарлотта, которая отзывалась только на имя Чарли.

Так уж вышло, что Бетти угораздило родиться в канун Дня всех святых. И сейчас, когда они с Чарли сбегали по лестнице, хэллоуинские костюмы развевались у них за спиной, словно у могущественных злодеек. Костюм придавал Бетти отваги — и это было весьма кстати, потому что они с Чарли собирались нарушить самый строгий бабушкин запрет. Правда, Чарли об этом еще не знала.

Когда они распахнули двери в зал, Бетти ударил в нос теплый, пахнущий пивом воздух, который проникал сквозь прорези ее маски-черепа. Любимая бабушкина подкова свалилась на пол; Бетти подняла ее и повесила обратно над дверью. Чарли издала самое противное хихиканье, на которое только была способна, и взмахнула своим ведьминским плащом. Схватив из угла бабушкину метлу, она пустилась в пляс среди исцарапанных столов и разномастных стульев. Глаза на лице, выкрашенном зеленой краской, так и сверкали, пока она распевала:

— Сладость или гадость, сладость или гадость... Над болотами туманы, выворачивай карманы!

Она кружилась и подскакивала, словно бесенок, а посетители забавлялись, глядя на нее.

— Чарли, осторожно! — крикнула Бетти, опасаясь, что сестренка подпалит себе плащ. Бетти сама разожгла в зале огонь, после того как они

с Чарли вырезали из тыкв светильники. Она поправила длинный черный плащ и подбежала к бабушке, которая протирала стойку.

— Бабушка, мы пошли, — сказала Бетти, радуясь, что ее лица не видно за маской. Этот вечер она предвкушала много недель, но теперь, когда пришла пора действовать, она сама не могла поверить в собственную дерзость. Бетти надеялась, что бабушка спишет дрожь в ее голосе на радостное волнение, а не на тревогу, которая зудела внутри, словно мошкара.

Бабушка протопала к ним. Она всегда топала, вместо того чтобы просто ходить, захлопывала двери, а не закрывала, и чаще кричала, чем говорила.

— Что, вы нынче попрошайки? — спросила она, отводя с лица седые пряди.

— Ряженые, — поправила Бетти. — Так у всех принято.

Бабушка цокнула языком.

— Не надо мне рассказывать, как у всех принято, я и так знаю. А как по мне, вы идете попрошайничать, хотя могли бы и в трактире помочь.

— Я и так весь день помогала, — буркнула Бетти. Под маской было жарко, лохматые волосы кололи шею. — А у меня день рождения, между прочим!

Бабушка фыркнула. Все Уиддершинс, даже Чарли, должны были помогать в трактире, и день рождения тут погоды не делал.

— Только за околицу не выходите, — наказала бабушка. — Ясно? И чтобы вернулись...

— ...к ужину, — закончила за нее Бетти. — Я знаю.

— Ну так постарайтесь. Чтобы не было как в прошлом году, — сказала бабушка и, смягчившись, добавила:

— Пирог будет вас ждать.

— Ух ты! — воскликнула Чарли, при упоминании пирога прервав свою дикую пляску.

Бабушка отошла на зов посетителя, и Бетти поймала на себя взгляд Флисс.

— Точно не хочешь пойти с нами? — умоляющим тоном спросила Бетти. Они так любили наряжаться втроем на каждый Хэллоуин! — Без тебя будет совсем не то!

Флисс покачала головой, тряхнув темными шелковистыми волосами. На ее очаровательном вздернутом носике виднелось зеленое пятно: осталось с того времени, как она гримировала Чарли.

— Я уже не ребенок. И потом, я нужна здесь.

— А может, ты просто не хочешь пропустить встречу с Уиллом Тернером? — пошутила Бетти. — Или кто там у тебя на этой неделе — Джек Хамбл? Я уже в них запуталась. Кому сегодня перепадет поцелуй от Фелисочки?

Флисс вспыхнула.

— Я же просила меня так не называть!

Бетти закатила глаза и решила, что не скажет сестре о краске на носу. Флисс с самого

своего дня рождения была сама не своя: тихая, порой даже угрюмая, а когда Бетти пыталась узнать, в чем дело, сестра только отмалчивалась.

Флисс с опаской взглянула на бабушку и спросила:

— Бетти, но вы же не выйдете за околицу, верно?

Бетти, невидимая за маской, сглотнула, скрестила пальцы в складках плаща и соврала:

— Да. За околицу не выйдем.

Флисс посмотрела в окно с неопределенным выражением.

— Как бы то ни было, лучше далеко не уходить. Снаружи туман. В такую погоду опасно переправляться через топи.

Она отвернулась, чтобы обслужить задаваку Куинни, постоянную клиентку, которая в нетерпении стучала по столу.

Бетти уставилась ей вслед.

— Туда не ходи, сюда не ходи, — пробормотала она под нос. Что все-таки случилось с Флисс? Конечно, она была такой же тщеславной, как и всегда, и подолгу задумчиво гляделась в старое зеркало с русалочьей оправой, подаренное бабушкой, но всю ее жизнерадостность как ветром сдуло — вместе со свечками на именинном пироге. Теперь она говорила прямо словами бабушки.

Бетти все чаще и чаще воспринимала свою жизнь в «Потайном кармане» как тугой корсет. Бабушка, а теперь и Флисс тянули за шнуры,

сдавливая ее так, что было не вздохнуть. Сегодня Бетти намеревалась оборвать эти шнуры — хотя бы на время.

Она позвала Чарли, которая прервала чью-то партию в домино, чтобы гордо продемонстрировать дырку на месте передних зубов. Сестры направились к выходу, бросая взгляды на знакомые лица — такие знакомые, что Бетти знала их не хуже собственного. Девочки были почти на пороге, когда Чарли наступила Бетти на плащ, запуталась и упала, врезавшись в стол, за которым одиноко сидел парень с кислой физиономией по имени Фингерти. От толчка его напиток выплеснулся из стакана; Фингерти нахмурился и прорычал что-то недружелюбное.

— Простите! — промямлила Бетти и поспешила наружу.

Сквозняк змеей обвился вокруг щиколоток, когда они с Чарли протискивались к двери, минуя скопившихся внутри посетителей. Наконец они выбрались на холодный вечерний воздух. Воздух свободы! Если, конечно, они за несколько минут успеют на паром. Бетти мысленно приободрила себя, дрожа от восторга не меньше, чем от холода. Трепетала она и от волнения. Флисс была права: снаружи клубился туман. Бетти не ждала его — она заранее сверилась с прогнозом. Но она знала, что топи непредсказуемы, а прогнозы иногда врут.

Чарли бежала впереди, размахивая пустым котелком для конфет. Дыхание вырывалась

у нее изо рта белыми облачками. Казалось, холод был ей нипочем. Бетти шагала следом, скользя взглядом по улицам Зеленого Гнездышка. От двери к двери ходило несколько ряженых, и она насчитала пять тыкв со светящимися глазами, выставленных на порог. Но в большинстве домов было темно. Люди не хотели, чтобы их тревожили незнакомцы в масках, — и у них были на то причины. В прошлом году празднование Хэллоуина быстро закончилось, когда зазвонил колокол. Это был сигнал тревоги: звон означал, что за топями зажглись тюремные маяки, возвещая об опасности. Возгласы «Сладость или гадость!» сменились криками: «Заключенные сбежали! Все по домам, запирайте двери!» Сестры помчались в «Потайной карман» и укрылись наверху, прижавшись носами к окну в комнате Бетти. Флисс нервно грызла ногти, Чарли оплакивала недополученные конфеты — а Бетти, взбудораженная, едва не подпрыгивала на месте, втайне надеясь, что беглецов будут ловить еще несколько дней и это хоть как-то разбередит сонный омут Вороньего Камня. Побеги совершались редко, и девочки, выросшие в тени тюрьмы, успели забыть о том, как она близко и какую опасность она в себе таит. Они смотрели на улицу и ждали, но никого не увидели, кроме двух тюремщиков с фонарями. К завтраку шумиха сошла на нет: сестры услышали, что злоумышленников поймали в топях. Бетти, которая временами и сама чувствовала

себя пленницей, всегда с интересом слушала истории о побегах. К несчастью, слухи о беглых узниках бабушка использовала как очередной предлог, чтобы не позволять внучкам уходить далеко от дома.

Рывком возвращаясь из прошлого в настоящее, Бетти обернулась и взглянула на «Потайной карман». Флисс как-то раз сравнила его с изможденным гоночным голубем: старая черепица и расхлябанные ставни топорщились, словно взъерошенные перья. Он притулился на краю деревни, будто на насесте, и на его побитых непогодой кирпичных стенах были заметны следы минувших лет. Время настойчиво толкало его локтем в бок, и теперь домик кренился влево, словно выпивоха. Из окон лился янтарный свет; на его фоне вырисовывались движущиеся фигуры — и куриные божки и другие амулеты, развешанные бабушкой на счастье. Снаружи никого не было, никто ни о чем не подозревал.

Вот и славно. Мысль о том, что их приведет домой разгневанная бабушка, была одновременно жуткой и унизительной. Конечно, у бабушки был крутой нрав, но больше всего Бетти боялась последствий. Узнай бабушка, что задумала Бетти, она больше никогда бы не отпустила ее на прогулку с Чарли... и всё, никаких тебе приключений. Шнуры корсета затянулись бы еще сильнее, выдавливая из нее жизнь.

Чарли уже успела постучаться в первый дом, распевая: «Сладость или гадость!» Конфеты посыпались к ней в котелок, и она вприпрыжку вернулась к Бетти, разворачивая липкую ириску из местной кондитерской лавки.

— А ты ничего с собой не взяла? Куда же ты будешь складывать конфеты?

— Я лучше у тебя утащу, — ответила Бетти и запустила руку в котел. Она шарила там, пока не нашла свою любимую вафельную зефирку. Бетти засунула ее в рот, прокусила корочку, чтобы добраться до кремовой сердцевины, и почувствовала, как наружу вырвалось облачко сахарной пудры. Они подошли к старой угловатой церкви, и Бетти взглянула на часы. Семь минут. Виски́ под маской защипало от пота, и сердце забилось как сумасшедшее. «Нас не должны поймать. Только не сейчас, когда мы уже так близко!» Еще раз взглянув через плечо на трактир, она схватила Чарли за рукав и потянула в переулок возле церкви.

— Иди сюда. У меня для тебя сюрприз.

— Сюрприз? — удивленно спросила Чарли, таращась на нее. — Но ты же сказала бабушке, что мы не выйдем за околицу. Ты сказала...

— Я знаю, что я сказала, — ответила Бетти, подталкивая Чарли перед собой. — Но у нас с тобой будет маленькое приключение, и я хочу, чтобы это осталось нашим секретом. Договорились?

Чарли растянула щербатый рот в озорной улыбке и кивнула, мотнув косичками.

— А что за приключение?

— Мы отправимся в Притопье.

— Галки-нахалки! — огромные зеленые глаза Чарли стали еще больше. — Притопье? Но туда же... туда же надо плыть на пароме!

— Все так. — Бетти похлопала по карману, который оттягивали три монеты. Она неделями копила на переправу — билеты на паром стоили по одному серебряному ворону. В ход шли скромные карманные деньги, выделенные бабушкой, и монетки, которые Бетти иногда находила, подметая пол в трактире. Теперь, раз уж Флисс отказалась с ними идти, денег было с запасом.

— Бетти, но ведь нас поймают!

— Не в этот раз.

— Ты всегда так говоришь, а потом все идет наперекосяк.

Надо признать, Чарли была права, но Бетти так просто было не остановить.

— Я все спланировала. — Она была так уверена в успехе, что даже придумала новый девиз, но решила приберечь это на будущее.

— А если бабушка узнает? — прошептала Чарли одновременно весело и испуганно. — Ух, нам тогда влетит!

— Не узнает, — заверила Бетти. — Почему, ты думаешь, я выбрала именно этот вечер? Все будут ряженые, в масках. Это же идеально! Нас никто не узнает — а значит, и бабушке не сдаст.

— А что там, в Притопье? — спросила Чарли. — Дома выше? Конфет больше?

— Еще лучше, — ответила Бетти, подталкивая Чарли дальше в темный переулок. — Там ярмарка. Там без рук вылавливают яблоки из бочки, и едят куличи, и вручают приз за лучший костюм... и еще там есть сахарная вата!

И приключения, с вызовом добавила она про себя. Ей было неважно, куда бежать, главное — с Вороньего Камня. Притопье было достаточно далеко, чтобы удовлетворить тягу к авантюрам, и достаточно близко, чтобы им за это не влетело. Вот так вот улизнуть в неизведанное — все равно что почесать место, которое зудело всю жизнь.

— Сахарная вата! — выдохнула Чарли. Голосок у нее был тонкий, нежный и слегка шепелявый — из-за выпавших молочных зубов. Она схватила Бетти за руку своей горячей липкой ладошкой. — Но это так далеко. А что, если мы не успеем домой к пирогу?

— Успеем, конечно, — сказала Бетти. — Я все продумала. И чтобы кто-то съел мой именинный пирог без меня? Ну уж нет! Но надо торопиться, до парома всего несколько минут.

Они поспешили дальше по переулку и свернули за угол. Под маской Бетти торжествующе улыбалась. Сердце у нее так и стучало. У них получится! Они наконец-то увидят жизнь за пределами Вороньего Камня! И все благодаря ей.

Бетти ослабила завязки плаща на шее, и сестры побежали. Чарли по пути считала светящиеся тыквы и фонари, вырезанные из репы; она заметила тот, что сделала сама, – сейчас он стоял на пороге школы. Девочки бежали по булыжной мостовой, и тыквы сопровождали их – словно духи, указывающие путь в Туманные топи.

Вскоре домов вокруг стало меньше, а потом впереди показался перекресток, и они вообще кончились. Зато в отдалении, за топями, стали видны крошечные желтые окошки тюремных камер – будто глаза, что всматриваются во тьму. Выше горел еще один огонек – на вершине одинокой башни, нависающей над зданием тюрьмы.

Чарли перешла на шаг, и они посторонились, чтобы дать пройти паре людей, спешащих на паром.

– Сколько уже папа там сидит? – спросила она.

– Чарли! – одернула ее Бетти, надеясь, что те двое ничего не услышали. Она понизила голос и ответила: – Два года и восемь месяцев.

Помолчала, перебирая в памяти даты, и добавила:

– И четыре дня.

– А когда он выйдет на свободу?

Бетти вздохнула. При мысли об отце на нее накатили привычные чувства: разочарование, грусть, отчаяние. Его отсутствие, как и смерть мамы, ударили по ним с Флисс сильнее, чем

по Чарли. Даже если Барни Уиддершинс был, по выражению бабушки, жалким никудышним типом, Бетти все равно в каком-то смысле оставалась ему верна. Отец из него был так себе, но другого у них не было.

— Два года, три месяца и двадцать шесть дней, — наконец сказала она.

— Почему ты шепчешь? — спросила Чарли. Ей было всего три года, когда за отцом пришли, и с тех пор они почти не виделись, так что она не могла по нему скучать и спрашивала из чистого любопытства. — Ты сама всегда говоришь Флисс, нечего мущаться из-за того, что он там.

— Смущаться, — поправила Бетти. Живи они в другом месте, она сама ужасно бы этого стыдилась, но почти все, кто поселился рядом с тюрьмой, сделали это потому, что кто-то из их родственников там сидел. — Нет, смущаться не надо. Просто не болтай о наших личных делах, если не хочешь, чтобы нас раскрыли. Никогда ведь не знаешь, кто может подслушивать. А теперь шевелись, паром ждет — вон он, я уже вижу!

— Ага! — Чарли улыбнулась и натянула ведьминскую шляпу ниже на лоб, явно наслаждаясь тем, что они замыслили шалость.

Бетти бежала впереди Чарли и смотрела на тюремные окошки. За каким из них сидит отец? Отсюда было не разобрать. Арестантов часто переводили из одной камеры в другую,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru